

Ю. С. СТЕПАНОВ

БАЛТО-СЛАВЯНСКИЙ ИНЪЮНКТИВ И СИГМАТИЧЕСКИЕ ФОРМЫ

1.

То, что формант *-s*, „сигма“, по происхождению один и тот же в сигматическом будущем и в сигматическом аористе, признавали многие исследователи разных ветвей индоевропейской семьи языков: К. Бругмани, Г. К. Ульянов, Х. Педерсен, Я. Отрембский, Т. Барроу, К. Уоткинс и др. Последовательным противником этой точки зрения выступил, пожалуй, один А. Мейе.

Однако когда мы пытаемся как-то обобщить и резюмировать существующие положительные мнения, то больше всего затрудняет обстоятельство, относящееся к методу: под одними и теми же терминами понимают то внешнюю, формальную сторону знака, то семантику. Асимметрия языкового знака мало учитывается. Напр., что имеет в виду Я. Отрембский, когда пишет: „в литовском будущем сошлись два первоначально различных образования — унаследованное и.-е. сигматическое будущее на *-sio-* и унаследованный и.-е. сигматический аорист, а именно в функции инъюнктива, т. е. в функции, близкой к будущему“¹ То ли, что для создания форманта будущего времени были заново использованы форманты будущего *-sio-*, *-si-* и формант аориста *-s*? Или же что литовское будущее время как категория образовалось из какого-то семантического синтеза категории будущего и категории аориста-инъюнктива (следствием чего было бы и соединение соответствующих формальных показателей)? Очевидно, что образование категорий и новое использование старых формантов для выражения категорий — разные явления. С учетом этого проблему можно резюмировать следующим образом.

Как категория будущее время в и.-е. языках является поздним образованием, всегда частной специализацией какой-либо более общей и исторически предшествующей категории, различной в разных языках. Так, в древнеиндийском языке „морфологически сослагательное наклонение (субъюнктив) возникло в результате эволюции особого вида инъюнктива. Поэтому естественно, что круг его значений соответствует в общем значениям инъюнктива ... В сущности сослагательное наклонение является нормальным способом пе-

¹ Otrębski J. Gramatyka języka litewskiego. — Warszawa, 1956, t. 3, § 467, s. 205.

редачи будущего времени в ведическом языке"². Поэтому естественно, что „если рассматривать будущее время и аорист в плане их отношения к настоящему времени, то становится ясным, что по своему происхождению они представляют лишь особые модификации образования того же типа. Будущее время, например, есть только разновидность класса основ настоящего времени на *-ya*, куда входят глаголы четвертого класса и отименные производные различных типов"³. В этом рассуждении Т. Барроу очень актуально положение о том, что грамматическая категория (в данном случае — будущее время) может первоначально оформляться в каком-либо ограниченном круге лексем и в дальнейшем распространяться на другие классы. В первом классе, „эпицентре“, оформление категории будет, следовательно, ее становлением именно как категории, в других же классах — скорее распространением форманта, формальным подкреплением семантически уже существующей категории. Есть основания считать, что первым путем протекало, напр., становление категории вида в славянских языках: группа глаголов, означающих „движения человеческого тела“, — „стать“, „сесть“, „лечь“ послужила эпицентром; в спряжении глаголов этой группы форманты „неопределенного вида“ *-ā*, *-ē* имеют лексико-грамматическое значение, тогда как в других группах — грамматикализованное⁴.

Была ли категория будущего времени унаследована балто-славянскими языками от индоевропейского (как, по-видимому, полагал Я. Отрембский)?

Если да, то речь может идти лишь о ее внешнем переоформлении иными формантами. Употребляемые форманты, если они различны, выступают в таком случае как синонимические средства. По-видимому, так обстояло дело с и.-е. перфектом, который, исчезнув в балто-славянских языках как морфологическая категория, был воссоздан иными средствами — перифразическим спряжением, „категорией состояния“ и др. Как семантическая категория перфект продолжал сохраняться.

Если же категория будущего времени не была унаследована, а только создавалась в материале балто-славянских языков, то выражающие ее форманты априори не должны быть синонимичны; и напротив — внешне один и тот же формант должен иметь различное значение в разных классах глагольных основ (подобно тому, как обстоит дело с формантами *-ā*, *-ē* в славянских видах). В одном из классов такой формант (или форманты) должен иметь значение, бли-

² Барроу Т. Санскрит. — М., 1976, с. 280.

³ Там же, с. 276.

⁴ Подробнее см.: Изв. АН СССР. Сер. лит-ры и языка, 1976, т. 35, № 5, с. 419; там же, т. 36, № 2, 1977, с. 146—147.

жайшее к исходному, не полностью грамматикализованное по отношению к данной категории, а в других классах основ (на которые он распространился позднее) — полностью грамматическое.

В балто-славянских языках, по-видимому, имели место оба пути. Во-первых, была унаследована и.-е. категория будущего времени, выражающаяся формантами *-sjo-*, *-si-* и образующая в спряжении разновидность тематического и „полутематического“ спряжения, параллельную презенсу. В славянских языках, а частично, вероятно, и в балтийских, эта унаследованная категория морфологически распалась и была воссоздана иными средствами, в частности, перифратическим спряжением. Единственный реликт унаследованного будущего времени в славянских языках — причастие *bušęšteje* — в конечном счете отвечает причастию будущего времени в литовском — *būsiant*, т. е. основе на *-si*⁵. Несмотря на видимое отсутствие специальных форм будущего в славянских языках, категория будущего, несомненно, семантически существовала. Славянские переводчики не испытывают никаких затруднений при передаче будущего времени греческого языка, например, в текстах Евангелий.

Во-вторых, в балто-славянских языках возник новый источник категории будущего времени — как частного случая специализации некоторой иной, более общей категории. В качестве таковой выступили формы „нехарактеризованного“ (т. е. не имеющего специальных морфологических примет) презенса-аориста типа русского *прыг*, литовского *klup*. Однако, будучи морфологически нехарактеризованными, эти образования вовсе не были „аморфными“ — они выступали в определенных семантических и синтаксических условиях в сфере 3 л. как формы инъюнктива.

2.

Что представляют собою в балто-славянском формы инъюнктива, из класса которых, как мы полагаем, возникли формы „нового“ будущего и часть форм сигматического аориста?

Инъюнктив в собственном смысле термина не является и.-е. категорией, он развился в отдельных и.-е. языках, особенно в индоиранских (из грамматики которых заимствован и сам термин). Однако в общеиндоевропейском должны

⁵ См. Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. 2-е доп. изд. — М., 1965, § 215, с. 278; а также Watkins С. *Indogermanische Grammatik. Formenlehre.* — Heidelberg, 1969, § 209, с. 216. О. Семериньи (Введ. в сравнит. языковедение. М., 1980, с. 304) считает слав. форму аористой, что упрощает наше дальнейшее доказательство.

были существовать прототипы инъюнктива, довольно разнообразного вида: **linek^wt* (атематический), *ueghet (тематический), *dhēt (атематический с основой на гласный). Инъюнктив вообще определяется с формальной стороны как „безаугментный экземпляр аугментных форм“, т. е. как временная основа глагола с вторичным окончанием; с функциональной стороны инъюнктив выполняет функции предикатного слова, предикатива, указывая видовую характеристику и диатезу действия, но не указывая его модальности и лица⁶. Относительно лица, впрочем, нужно сделать одну оговорку: основная форма инъюнктива обычно внешним образом более или менее совпадает с 3 л. ед. ч., что имеет далеко идущие последствия.

В отдельных языках инъюнктив приобретал различные дополнительные черты. Так, в древнеиндийском „инъюнктив не является самостоятельной морфологической категорией; термин этот применяется к тем безаугментным формам имперфекта или аориста, которые употребляются в значении сослагательного или повелительного наклонения“⁷. Инъюнктив мог пополняться новыми образованиями. Напр., в древнеиндийском существует пассивный аорист на *-i*, употребляемый только в 3 л. ед. ч., причем известны формы без аугмента, употребляемые как в изъявительном наклонении, так и в инъюнктиве, напр., *pādi* ‘шел, падал’; эти формы — не что иное, как древние основы ср. р. на *-i*, без всяких окончаний, вошедшие в глагольное спряжение⁸, по видимому, при посредстве инъюнктива.

В современном русском языке имеется обширная группа своеобразных предикатных слов, которые мы определим как „формы русского инъюнктива“. С содержательной стороны они выполняют функции предикатного слова (в особых синтаксических условиях, о которых будет сказано ниже). С формальной стороны они имеют вид глагольных корней или, иногда, глагольных основ, в обоих случаях совпадающих с 3 л. ед. ч. исчезнувшего аориста. В соответствии с указанным различием — корень или основа — эти слова могут быть разделены на два класса, причем к основному различию присоединяются и другие.

К одному классу следует отнести формы типа *двиг, прыг, толк, стук, порх, трах, лоп, шмыг, бух, шлеп, скок, бац, бряк* и т. п. Все они соответствуют глаголам, обозначающим шум, звучание или резкие механические движения. Они употребляются на месте предикатных слов простого предложения в значении однократно-мгновенного действия, следовательно,

⁶ Ср. Watkins С. Op. cit., § 24, с. 45.

⁷ Барроу Т. Указ. соч., с. 322.

⁸ Там же, с. 318.

совершенного вида, но никогда не складываются с приставками. Они стоят вне категории времени (их отношение ко времени разъясняется контекстом — обычно наличием второго, полностью спрягаемого глагола) и могут называть действие, совершенное в настоящем, прошедшем и будущем. Примеры: *Он подходит к собаке и трах её палкой* (наст.); *Он бывало подойдет к собаке и трах её палкой*, или *Он бывало трах собаку палкой* (прош.); *Он подойдет к собаке, да и трах её* (буд.). Эти предикаты не могут употребляться в условных предложениях в отличие от слов второго класса, т. е. вместо *Ударь он собаку, она бы его не укусила*, невозможно сказать **Трах он собаку, она бы его не укусила*.

К другому классу следует отнести формы, морфологически тождественные (в современном языке) формам повелительного наклонения. Они образуются, по-видимому, как от бесприставочных глаголов, так и от приставочных, употребляются в простом предложении (только образованные от глаголов совершенного вида) и в придаточном условном (главным образом, в значении совершенного вида). В условном предложении возможно употребление и форм, образованных от глаголов несовершенного вида, но, по-видимому, всегда с тем или иным оттенком завершенности, начинательности и т. п. Напр.: *Учись он музыке, был бы музыкантом; Тут он и скажи*. Возможно употребление их и в соответствии с безличными глаголами — *Тут и случись беде; Тут и приди ему в голову*.

Все такие предикативы, как одного, так и другого классов, стоят в явной связи с исчезнувшими аористами⁹. Употребление форм, совпадающих с повелительным наклонением, в придаточных условных стоит, возможно, кроме того, в связи с происхождением славянского повелительного от основ опатива.

В современном литовском языке имеется параллельный русскому класс слов, который мы также определим как „формы литовского инъюнктива“. В литовских грамматиках они называются „ištiktukai“, и отношение к ним соответствующих глаголов определяется следующим образом: „Большинство глаголов этого подраздела произведено от ištiktukai „частиц“ отбрасыванием форманта *-t* и присоединением окончаний или суффикса, перед которыми

⁹ Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. — Л., 1941, с. 178, 200, 206, 472; Стендер-Петерсен А. И. О пережиточных следах аориста в славянских языках, преимущественно в русском. — Acta et commentationes Universitatis Tartuensis. Humaniora, 1930, N 18. Указ. по: Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). 2-е изд. — М., 1972, § 50, с. 434 и след.

вставляется согласный *-s-*. Напр., *bràkš-t: brakš-s-ėti > brakšėti; strikt: strik-s-ėti; pókš-t: pokš-s-ėti > pokšėti; link-t (:lenkti): link-s-ėti; žvilg-t (:žvelgti): žvilg-s-ėti*¹⁰.

Что касается частиц, то их исчерпывающее описание дано в соответствующем разделе той же грамматики (написанном И. Яшинскайте). Примечательно, что И. Яшинскайте определяет частицы, соотносимые с глаголами, точно так же, как К. Гоффманн определяет инъюнктив: „они означают не само действие, а вызванный им образ“ („jie reiškia ne patį veiksmą, o jo sukeltą vaizdą“)¹¹; ср. „главная функция инъюктива — упоминание (Erwähnung); его адекватным названием было бы поэтому „меморатив“¹².

С интересующей нас точки зрения, литовские частицы делятся на два класса. К одному классу отнесем частицы, не связанные непосредственно с глаголом, т. е. либо чисто звукоподражательные (*bám, diñ, ciliñ* и т. п.), либо связанные с глаголом очень опосредованно, только по составу корня (*mataráì* при *mataruoti* ‘махать’). К другому классу отнесем частицы, форма и значение которых непосредственно соответствуют глагольному корню или основе: *lùp, bràkšt, trùkt* и т. п. В последнем классе обнаруживаются характерные образования, морфологически тождественные форме 3 л. ед. ч. либо будущего времени в современном литовском языке — *káls* при *kálti* ‘ковать’ (об отличии от интонации буд. *kaĩs* см. ниже), *kils* при *kilti* ‘подниматься’ и др., либо архаической разновидности славянского аориста *mirk̃t* (при *mérkti, mirk̃čioti* ‘мигать, моргать’); ср. слав. аористы *das̃t̃* ‘дал’, *pit̃* ‘выпил’, *jet̃* ‘взял’.

Среди этого класса литовских частиц содержатся, как можно предположить, некоторые древние, но новые по отношению к индоевропейским формы балто-славянского инъюктива. Они составят предмет следующей ниже реконструкции.

¹⁰ Lietuvių kalbos gramatika. — V., 1971, t. 2, p. 242. Адекватное наименование этих слов — вопрос очень трудный и нерешенный. Литовский термин, придуманный Й. Яблонским, скорее соответствует русскому „(от)глагольные междометия“, который употребляли А. А. Шахматов и многие другие и против которого резко возражал А. М. Пешковский (Русский синтаксис в научном освещении, 7-е изд. — М., 1956, с. 198). Нам тоже он кажется неподходящим. В литовской грамматике в последнее время утверждается, кажется, длинный термин „неизменяемое изобразительное слово“. Но мы в дальнейшем — чисто условно — употребляем нейтральный термин „частица“.

¹¹ Там же, с. 735.

¹² Hoffmann K. Der Injunktiv im Veda. — Heidelberg, 1967, p. 279.

Прежде всего необходимо в разнообразии приведенных корней установить первичную форму. Представляется возможным снять два новых пласта.

Во-первых, в корнях с вариантами краткий/долгий гласный типа *tept/tépt*, *gribš/grybš*, *žibt/žybt* следует удалить корни с продленным гласным, так как они представляют исторически новое продление, означающее более интенсивное действие¹³. Интонация частицы *káls*, в отличие от 3 л. буд. *kaļs*, функционально соответствует, по-видимому, такому продлению. Типологически это продление отвечает продлению в славянских корнях глаголов нового несовершенного вида: *мърѣти/оумирати*, *погре(б)ти/погрѣбати*, *родити/раждати*, и т. п.

Во-вторых, в оставшейся группе корней следует удалить корни с исторически полной аблаутной ступенью типа *žergt*, оставив корни с исторически редуцированной ступенью типа *žirgt*. Основанием для этого удаления служит то, что корни полной ступени встречаются только в тех случаях, где вместо пары глаголов типа *kilti/kelti* имеется только один глагол типа *žergti*, совмещающий значения пары. В этих случаях полная аблаутная ступень является принудительно обобщенным видом корня, обобщенным на лексических основаниях и не показательным для грамматики.

Остаются корни типа *žirg-*, *kil-*, представляющие исторически редуцированные аблаутные ступени, с сонантом, корни типа *grib-*, *spud-*, отвечающие др.-инд. классу *tudāti*, и некоторое количество корней с другими гласными перед смычным, типа *tep-*, *lap-*, *kap-*, *tvok-*. Однако и эта группа корней допускала подобие аблаутных соотношений, которые Я. Фриск удачно называет „indogermanische Verankerung“, „прикрепления“, ср.: корень типа **tup-*, **tep-*; греч. τύπτω ‘бить оружием, палкой и т. п.’ и слав. *tepti*, *tъpati*, *topot*, рус. ‘*топот*’¹⁴. Иногда в них появляется *o*-ступень, характерная для перфекта.

Таким образом, можно считать установленным, что класс литовских частиц глагольного типа основан на корнях редуцированной аблаутной ступени, соответствующих и.-е. корням „нехарактеризованного“ аориста, и перфекта. Это корни немаркированной семантики, в позднейшем развитии входящие в большинстве случаев в систему медиального залога. Это значение сохраняется. Так, *kils(t)* означает действие в соответствии как с непереходным глаголом *kilti* ‘подниматься’, так и с переходным *kelti* ‘поднимать’: *Tik kilst*

¹³ Ср. также: Urbutis V. *Žodžių darybos teorija*. — V., 1978, с. 228.

¹⁴ Frisk H. *Griechisches etymologisches Wörterbuch*. — Heidelberg, 1970, Bd. 2, p. 946.

ir nukėlė vaiką nuo suolo „Прямо раз — и приподнял ребенка со скамьи“¹⁵;
Aitvaras tik kilst ir pakilo „Змей раз — и взлетел“.

В литовском эти корни в данной предикативной функции, т. е. как предикатные слова, допускают расширения трех видов — *-s* после любого предшествующего звука, *-t* после смычного, *-st* как дальнейшее расширение; кроме того, корни могут употребляться и без всякого расширения, сверх уже содержащегося в глагольной основе, напр., *judi|judy*, *bir-*, *jud-*, *smig-* и др.

При каждом из этих видов слов имеются соответствующие глаголы, т. е. все эти слова выступают одновременно как основы глаголов. Из этого синхронного современного соотношения и возникла дилемма: произведены ли глаголы от соответствующих предикатных слов или, наоборот, эти предикатные слова извлечены из полных глаголов?

По системным соображениям мы принимаем только первое. Обоснованию этого положения отведен следующий раздел.

4.

Приведем примеры производных (не первичных) глаголов, соответствующих каждому из типов предикатных частиц.

<i>kil-</i>	<i>kylėti</i>	‘подниматься потихоньку’
<i>kils-</i>	<i>kilsnoti</i>	‘поднимать’
<i>kils-</i>	<i>kilsuoti</i>	‘подниматься и опускаться’
<i>kilst-</i>	<i>kilsčioti</i>	‘поднимать’
<i>kilst-</i>	<i>kilstelėti</i>	‘приподнять’
<i>tįs-</i>	<i>tįsėti</i>	‘тянуться’, неперех.
<i>tys-</i>	<i>tysėti</i>	‘быть притянутым’, перех.
<i>tys-</i>	<i>tysoti</i>	‘лежать вытянувшись’, интенс.
<i>link-</i>	<i>linkti</i>	‘гнутья’
<i>links-</i>	<i>linksėti</i>	‘сгибаться и разгибаться’
<i>links-</i>	<i>linksoti</i>	‘быть согнутым, согнувшись’
<i>linkt-</i>	<i>linkčioti</i>	‘сгибаться и разгибаться’ и т. д.
<i>žiopt-</i>	<i>žiopsėti</i>	‘раскрывать и закрывать рот’
<i>žiopt-</i>	<i>žiopsoti</i>	‘стоять разинув рот’ и т. д.

Приведенные примеры (их можно умножить) показывают случаи полного соответствия частицы и глагола. Однако в целом в классе частиц взаимно однозначное соотношение частицы и глагола отсутствует. С несколькими

¹⁵ DLKŽ, 1972, p. 305.

глаголами, разными по значению и функции в предложении, может употребляться одна и та же частица. Напр., глаголам *kilti* и *kelti*, *kilsuoti* и *kilstelėti* равно соответствует одна частица — *kils*. С другой стороны, один глагол может иметь при себе частицы двух различных видов, напр., *žergti* — *žergt* и *žirgt*. Наконец, глагол с одной аблаутной ступенью в корне может иметь частицу другой аблаутной ступени, напр. *spausti* — *spust*, *traukti* — *trukt*, *žvelgti* — *žvilgt*. По-видимому, такие частицы не могут быть извлечены говорящими из основ соответствующих глаголов на базе существующих в настоящее время живых фонетических соотношений глагольного словопроизводства. Они свидетельствуют именно о том, что основы глаголов надстроены над соответствующими основами кратких предикатных слов-частиц, выполняющих в предложении функции „нехарактеризованного“ аориста, или, что то же самое, — инъюнктива. Об этом же свидетельствуют акцентные данные, которые будут рассмотрены ниже.

Такой процесс в литовском языке не является исключением и для данного случая. Подобные отношения в настоящее время достаточно хорошо реконструированы для целого ряда балто-славянских глагольных типов.

В общем, если не во всех деталях, можно считать установленным, что в балтийском, полностью аналогично славянскому, существовали тематические претериты, т. е. аористы на *-e/o*, и сигматические аористы. В определенный период первые были вытеснены претеритами на *-o*, распространявшимися из первоначально ограниченной группы глаголов (ср. лит. *suka suko* рядом со слав. *-sъnetъ -sъpe*, где слав. хранит более старый *-e/o-* претерит). Вторые, сигматические претериты, были вытеснены аористами на *-ē*, также распространявшимися из первоначально ограниченного круга основ: **vē(d)s-* → **vedē* > *vēdē*; **kēls-* → **kēlē*, *kēlē*¹⁶. Позднее над простым претеритом на *-ē*, который распространился в глаголах как переходных, типа *kelti*, так и непереходных, типа *gulti*, был надстроен новый претерит — „имперфект“, но, по-видимому, только для непереходных и неактивно переходных глаголов: так образовались новые претериты, а еще позднее полные парадигмы, построенные по претеритам, у глаголов типа *vesti*, *gulti*: *vedē* (аорист) → *vedē-jo* („имперфект“) → *vedėti* новый глагол состояния ‘водить туда и сюда’; *gulē* (аорист) → *gulē-jo* („имперфект“) → *gulėti* новый глагол состояния ‘лежать’.

Таким образом, в славянских имперфектах типа *vedě-axъ* при глаголах типа *vesti* ‘водил, вел’ балтийские соответствия представлены как бы дважды: старый претерит *vedē* (в настоящее время претерит глагола *vesti*) соответ-

¹⁶ Stang Ch. Vergleichende Grammatik der baltischen Sprachen. — Oslo — Bergen — Tromsø, 1966, S. 383, 388, 395.

ствуует первой основе *vedĕ-*, а новый претерит (в настоящее время претерит глагола *vedĕti*) соответствует второй, продленной основе *vedĕ-a-*.

Вполне аналогично и параллельно старые перфекты с исчезновением флективного перфекта как категории были осознаны как презенсы: *bijo* 'боится', *žino* 'знает' (корневой аорист, морфологически совпавший с перфектом), и к ним были подстроены новые претериты — „имперфекты“, а позднее вся парадигма: *bijo-jo bijoti*, *žino-jo žinoti*.

Более сложные, но такие же по типу отношения существуют в межпарадигматических (с современной точки зрения) связях глаголов, когда морфологически одна и та же форма на *-o* присутствует как форма презенса в одной парадигме и как форма претерита в другой парадигме: *lenda lindo* (претерит) *lįsti* 'лезть'; *lindo* (презенс) *lindo-jo* (новый претерит — „имперфект“) *lindoti* 'сидеть залезши'. Можно было бы указать и ряд других соответствий такого же типа¹⁷.

И, наконец, таким же образом были надстроены, по-видимому, формы нового претерита над основами нехарактеризованного аориста-инъюнктива.

Наиболее явно такое отношение в основах на *-s*. Основанные на них претериты имеют два типа — тип на *-ĕ* и тип на *-o*.

(1) Тип на *-ĕ*: **dilgsĕ-*, **linksĕ-*, **striksĕ-*, **trinksĕ-*, **žliugsĕ-*, **žvilgsĕ-* и др. Основы этого типа состоят из корней *i*, *u*-ступени и суффикса второго претерита *-ĕ*, тождественного таковому в *vedĕ*, *kĕlĕ*. Над этими основами далее были надстроены новые претериты — „имперфекты“, существующие в настоящее время: *dilgsĕ-jo*, *linksĕ-jo* и т. д. С другой стороны, были подстроены презенсы на *-i* по исконному типу *mini minĕ-jo minĕti*, слав. *mbni mbnĕti*.

В этом классе можно предположить и другое развитие: первоначальными могли быть формы на *-si* типа *linksi*, *dilgsi*, являвшиеся не формами презенса, как в современном языке, а формами будущего. В таком случае с созданием претеритов, как сказано выше, эти формы могли быть переосмыслены как формы настоящего, „сдвинуты“ в сферу настоящего. Подобное передвижение готовых форм из одной временной сферы в другую в связи со сложением парадигм — явление типичное для литовского языка: ср. выше о формах типа *lindo*.

(2) Тип на *-o*: *drybso*, *riogso*, *spokso*, *šypso*, *vĕpsò*, *žiopso* и др. Основы этого типа представляют перфекты с корнями *o*-ступени, *i*, *u*-ступени (часто в продлении *y*, *ū*), и они были, в соответствии с общим правилом, осознаны

¹⁷ Подробнее см.: Степанов Ю. С. Славянский глагольный вид и балтийская диатеза (проблема общего генезиса и реконструкции). — В кн.: VIII Международный съезд славистов. Славянское языкознание. Доклады советской делегации. М., 1978, с. 349, 357.

как презенсы (каковыми являются и в настоящее время). К ним были построены новые претериты — „имперфекты“ *drybsó-jo, riogsó-jo* и другие и далее вся парадигма¹⁸.

Конечно, в обоих классах имеются отклоняющиеся от общего правила единицы: так, *žirgso žirgsojo žirgsoti* 'стоять раскорячившись' относится вопреки форме корня к классу на *-o*. Но такие единицы не меняют общей характеристики класса, они требуют лишь дополнительного объяснения в связи с их индивидуальной семантикой.

В обоих классах корень имеет интонацию краткостную (обычно в первом классе) или циркумфлексную (обычно во втором классе), в отличие от сходного класса без форманта *-s*, где интонация корня в большинстве случаев акутовая: *sáugo sáugojo sáugoti, týko týkojo týkoti* и др. Проблемы интонации будут здесь затронуты лишь частично в связи с употреблением.

5.

Употребление реконструируемых форм аориста-инъюнктива не отличалось, по-видимому, от современного. Все они употреблялись в виде предикатных слов — предикативов — либо сами по себе, либо в соседстве с полнозначным глаголом: *Mamaitė verks verks, ir mes išalkę verkiame — nuo tétulio kaip nėra, taip nėra laiško (Žemaitė); Būdavo dirbs dirbs ir niekas neišeina; Būdavo bris bris per purvą; Šauks šauks ir niekas neatsiliepia*. После этих форм чаще всего идет союз *ir* 'и', как и в соответствующих русских предложениях (см. выше). В силу такого положения они означают просто действие само по себе, без отношения ко времени и виду. Время устанавливается контекстом или соседним глаголом. Чаще всего это прошедшее краткое, мгновенное, которое, впрочем, может повторяться несколько раз — быть итеративным, иногда будущее.

Следовательно, типологически такое употребление соответствует употреблению славянских форм настоящего в следующих двух типах. Во-первых, в типе русск. *Тянет-потянет, вытянуть не может*, где глагол, по крайней мере, в первой из форм не обязательно является глаголом совершенного вида. Во-вторых, в типе русск. и ст.-слав. употребления настоящего от „определенных, совершенных“ глаголов в значении будущего, — факт общеизвестный, и, по-видимому, — на что не обращалось внимание, — первона-

¹⁸ Перечень глаголов и их значение см.: *Lietuvių kalbos gramatika*, t. 2, § 347, 350, p. 242–243.

чально главным образом в сфере 3 л.¹⁹ Поэтому вполне понятно, что такие формы на *-s*, особенно в связи с параллельно протекающим процессом утраты аористов на *-s*, в балтийском оказались включенными в систему форм будущего времени на правах одного ее члена — 3 л. (Полные парадигмы будущего без тематического гласного типа жемайт. *verksme*, *verkste*, скорее всего, вслед за Х. Стангом, следует считать позднейшими и аналогическими.)

Аномалии долготы и ударения в формах глагола 3 л. будущего времени следует поэтому объяснять в связи с позицией данных форм в предложении — как форм всегда без „окончания“ и в большинстве случаев в конце фразы — перед союзом *ir* и т. п. Сходным образом объяснял аномалии долготы в литовском литературном языке (соответственно западноаукштайтских диалектах) А. Мейе, указывая, что соответствующий аномальный слог всегда был конечным или независимым ударным²⁰. Примеры: 1) *geràsis* < *geràs-is* ‘хороший’, членная форма прилагательного; 2) *prà-neša* ‘сообщает’, приставочная форма глагола, против *prã-našas* ‘пророк’; 3) императивы *nėš-k(i)* ‘неси’ < **nes+k^we+i*, где **k^we+i* энклитика; 4) местоимения в род. п. *tàno* ‘мой’ и др.; 5) 3 л. будущего времени *nėš* ‘понесет, -ут’; 6) 1 и 2 л. ед. ч. будущего времени *nėšiu*, *nėši*.

Наличие типов 4 и 6, где аномальный слог никогда не был конечным, заставляет уточнить формулировку А. Мейе и полагать, вслед за Й. Казлаускас²¹, что в литовском языке большую роль играет категория „субморфа“ — такого варианта морфемы, из которой особенности слоговой интонации, обусловленные позицией, обобщаются на необусловленные позиции в других формах парадигмы²².

6.

В свете изложенного имеет смысл взглянуть на некоторые детали реконструкции. Одну из трудных проблем составляет происхождение самих окончаний *-s*, *-st*, *-t*, а вместе с ними общего облика форм 3 л. будущего времени в литовском языке.

¹⁹ Хороший набор примеров см.: Достал А. К изучению категорий глагола в старославянском языке. — В кн.: Исследования по синтаксису старославянского языка. Прага, 1962, с. 116.

²⁰ Meillet A. D'une anomalie de la quantité en lituanien occidental. — MSL, 12 (fasc. 4), 1903.

²¹ Kazlauskas J. Lietuvių kalbos istorinė gramatika. — V., 1968, p. 16 et passim.

²² Детальное обследование одного из диалектов см.: Гаршва К. Просодемы в системе фонологического описания. — Изв. АН СССР. Сер. лит-ры и яз., т. 36, вып. 1, 1977.

Наряду с формами древнего, — но нового по отношению к и.-е., — инъюнктива на *-s*, *-st* в балто-славянском несомненно существовал некоторый исконный круг глаголов, который послужил источником форм инъюнктива.

К. Уоткинс, рассматривая их в ином контексте — контексте будущего — аориста, видит в литовских формах 3 л. будущего времени некоторых глаголов дополнительное распределение со славянскими формами 3 л. аориста без *-s* и устанавливает следующую параллель:

лит.	<i>duōs</i>	: слав.	<i>da</i>	: и.-е.	<i>*dō-s</i>
	<i>būs</i>	:	<i>by</i>	:	<i>*bhū-s</i>
	<i>dēs</i>	:	<i>vъ-dě</i>	:	<i>*dhē-s</i>
	<i>lis</i>	:	<i>li</i>	:	<i>*lī-s</i>

Он считает, что ни литовские, ни славянские формы не дают основания постулировать окончание *-t*²³.

Х. Станг был другого мнения, полагая, что закономерно-фонетически эти литовские формы могут происходить только от **būst*, **dūost*, **sakīst* и т. д.²⁴ Мы присоединяемся к мнению Х. Станга. Нужно далее указать, что ряд К. Уоткинса не является настоящим дополнительным распределением, так как в славянском имеются формы аориста *bystъ*, *dastъ*, параллельные *by*, *da* и более обычные, чем последние. Кроме того, имеются формы только с *-tъ* — *pitъ*, *jetъ*. Эти факты возвращают нас к проблеме конечного *-t/tъ*.

Представляется целесообразным рассматривать, собственно, не „проблему конечного „т““, а форму 3 л. в целом, а это несколько меняет ракурс. Как уже было сказано, мы считаем эти формы формами балто-славянского инъюнктива. Инъюнктив же по происхождению, особенно в формах 3 л., может быть не глагольной, а именной формой. Таким образом, мы приближаемся снова к мнению Ф. Ф. Фортунатова, который видел в слав. *-tъ* флексию **tos*, восходящую к местоимению со значением 'тот, то'. Но, в отличие от Ф. Ф. Фортунатова, мы склонны считать, что это слав. *-tъ* является частью причастия (дальнейшее отождествление этой части нас здесь пока не интересует). Как раз все славянские глаголы, сохраняющие аномальное окончание *-tъ* во 2 и 3 л. ед. ч. аориста — *pitъ*, *jetъ* и др., имеют причастия прошедшего времени страдательного залога также на *-tъ*. Форма инъюнктива-аориста 3 л. в славянских и балтийских языках могла быть в целом формой этого причастия. Сохранение *-t* в современных литовских формах могло быть первоначально обеспечено именно тем, что это не форма 3 л. „вторичного“ спряжения (простое **-t*), а фонетически более сильная форма **-to*. В дальнейшем сохранение

²³ Watkins С. Указ. соч., § 209, с. 216.

²⁴ Stang Ch. Указ. соч., с. 398.

указанного окончания поддерживалось просто изолированным положением этих словоформ в системе.

Что касается употребления форм причастия „среднего“ рода, точнее форм, стоящих вне рода, то оно является обычным для балто-славянского ареала. В такой функции исконно употреблялись как именные основы „наречия“ на *-a* (слав. *-o*) типа *taža*, слав. *добро*, форма на *-i* типа *daugi*²⁵ (ср. сказанное выше о др.-инд. аористе на *-i*). Известны также разнообразные типы предложений, основанные только на таких предикативах²⁶.

В русском языке сочетание „безличного“ (по форме) предиката на *-то*, *-но* с личным не кажется нарушением нормы:

Ездит старик, продает понемногу,

Рады ему, да и он-то того:

Выпито вечно и сыт, слава богу (Некрасов. Дядюшка Яков)

7.

Парадоксальным образом А. Мейе, отвергая общий генезис балтийских и славянских сигматических форм, открыл новую проблему, показав их функциональный параллелизм двум рядам с и.-е. *ā*-суффиксами: 1) ряду претеритов — балт. *liko*, слав. *брь-а*, *жьд-а*, латин. *er-ā-s*, *dixer-ā-s*; 2) ряду форм конъюнктива — латин. *fuam*, *tulam* и др.²⁷. Новые данные внесла контроверза Н. С. Трубецкого и Э. Бенвениста о происхождении и.-е. *ā*-суффикса.

Обращают на себя внимание факты перекрещивания рядов с *ā*- и *s*-суффиксами в балто-славянском глаголе.

Таким образом, в самом общем и схематическом виде может быть выдвинута следующая гипотеза: в балто-славянском ареале существовал в дополнительном распределении „квадрат алломорфов“: 1. претеритальное *-s*; 2. претеритальное *-ā*; 3. непретеритальное *-s* (футуральное и проч.); 4. непретеритальное *-ā*. Балтийский подавляет 1-ю и 4-ю формы, славянский — 2-ю и 3-ю.

Но к обсуждению этой проблемы мы надеемся еще вернуться²⁸.

²⁵ См. Mažiulis V. Baltų ir kitų indoeuropiečių kalbų santykiai. — V., 1970, §47, 147, p. 84, 263.

²⁶ См. Амбразас В. Исторический синтаксис причастий литовского языка: Автореф. докт. дис. — Вильнюс, 1978; Ambrazas V. Netiesioginės nuosakos (modus relativus) paplitimas ir kilmės problema. — Lietuvių kalbotyros klausimai. V., 1977, t. 17; Ambrazas V. Lietuvių kalbos dalyvių istorinė sintaksė. — V., 1979, p. 198–209.

²⁷ Meillet A. Sur l'aoriste sigmatique. — Mélanges F. de Saussure. P., 1908.

²⁸ Пользуюсь случаем поблагодарить В. Амбразаса за ценные замечания по тексту этой статьи, учтенные мною.